

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич)

Нина Гурьева

(г. Железногорск Красноярского края)

Нина Гурьева родилась 05.10.1951 года в деревне Ефимова, Абатского района, Тюменской области. Живет в г. Железногорске Красноярского края с 1969 года. В 1978 году закончила Московский институт торговли и уехала на строительство Игналинской атомной электростанции в Литве. Через 15 лет вернулась в Сибирь. Стихи пишет с детства. Публиковалась в газетах Литвы, Тюменской области, Железногорска и Красноярска. Печаталась в журнале «Истоки» (Н. Ингаи), в сборниках «Моей души прекрасная обитель» (Тюмень), «Русский писатель» (Санкт-Петербург) и в других сборниках и альманахах Красноярска. Автор восьми сборников стихов: «Малиновый звон над Кантатом» (Красноярск-26, 1994 год), «Разнотравье» (Красноярск-26, 1998 год), «Желтый вальс» (Красноярск, 2001 год), «Земляничная нежность», 2001 год), «Прозрачная тишина» (Красноярск, 2003 год), «Предзимье» (Красноярск, 2006 год), «Не бывает России без гроз» (Красноярск, 2008 год), «Колокол сердца» (Железногорск, 2011 год).

ОН — ЕСТЬ

Под сердцем маменька носила
Печальный плод своей любви.
Вмешаться Господа просила,
Но мне Господь шепнул: «Живи!»

Он дал мне силы, соли, хлеба,
Умножив каждое на три...
Я долго всматривалась в небо,
Но мне Господь шепнул: «Твори!»

И это слово разрывало
Мне сердце жаркое в груди.
Куда, зачем — еще не знала,
Но мне Господь шепнул: «Иди!»

Я шла и шла, друзей встречала,
Врагов встречала на пути.
Сама б врагов я не прощала,
Но мне Господь шепнул: «Прости!»

И я прощала и прощала,
Держа гордыню взаперти.
Слезу горячую глотала,
Но мне Господь шепнул: «Терпи!»

Свое земное расстоянье
Живу смиренно и терплю.
«Он есть — я рук его создание...»
Его за все благодарю!

* * *

Здравствуй, бабушка деревня!
Здравствуй, бабушка деревня,
Незабвенная моя!
То ли вяжешь, то ли дремлешь
На пригорке у плетня.

Здесь замедленное время
Измеряется страдой.
День за солнцем — ногу в стремя
Обогнать чтоб летний зной.

На глаза платок привычно
Ты опустишь козырьком.
Дух покосный, земляничный
У копешки мне знаком.

Ты сама себя прокормишь,
Пусть столетия спешат.
Стригунков строптивых вспоишь
И вихрастых малышат.

Ты, как Русь, богата древней
Щедрой силой бытия.
Здравствуй, бабушка деревня,
Незабвенная моя!

ЛАДИЛ ПОГРЕБ НАШ СОСЕД

Ладил погреб наш сосед,
Наворочал глины гору.
Мелкий дождичек в обед
Вывел мягкие узоры.
До зимы хоть далеко,
Детвора сообразила —

С горки этой так легко
Глина чудная скользила...
Брызги глины, брызги смеха.
С горки этой вжик да вжик!
Только мамам не до смеха,
«Кто придумал? Озорник!»
Не осталось скоро глины,
Лишь усмешки по усам.
Затвердевшие штанины
Разбегались по домам...

ПЯТЬ ПАЛЬЧИКОВ

Две девочки, три мальчика,
Как на руке пять пальчиков,
Растила и лелеяла
Нас матушка одна.
Для девочек, для мальчиков,
Хотелось ей заманчиво,
Чтоб горюшком не веяла
Судьбинушка-судьба.

На той руке на маминой —
Мизинчиком я маленьким
Росла, росла и выросла,
И выросла, как все.
И по реке не маленькой,
Что жизнью называется,
Я поплыла уверенно
По утренней росе.

Уже в реке барахтались,
Что жизнью называется,
И средний с указательным,
Да безымянный сам.
И лишь большой при маменьке
Хозяином стал варежки,
А старенькая маменька
Ушла по небесам...

Под солнцем все не вечное,
И время быстротечное
Собрать так не сумело нас
В один большой кулак.
Две девочки, три мальчика,
Седые горе-пальчики,
По всей России мечутся,
Не встретятся никак...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

СИБИРСКИЕ НАПЕВЫ

Владимир Корнилов родился на Южном Урале. Член Союза писателей и Союза журналистов России, член Международной Гильдии Писателей. Выпускник Литинститута. Автор 15 поэтических книг. Лауреат Международных фестивалей 2010 года: «Звезда полей» им. поэта Николая Рубцова, «Русский стиль-2010» (Германия), «Славянские традиции» (Украина — награжден «почетными» литературными премиями им. Владимира Даля и им. Юрия Каплана с вручением именных медалей), полуфиналист фестиваля «Литературная Вена» (Австрия), победитель I-го этапа международного конкурса «Золотая строфа», «Сибирского литературного конкурса им. Геннадия Карпунина-2008». Публиковался в Антологиях «Иркутской» и «Сибирской» поэзии», журналах «Наш современник», «Москва», «Всероссийский собор», «Новый Ренессанс» (Германия), «Наше поколение» (Молдова), «Простор» (Казахстан), «Лексикон» (США, Чикаго), «Русское литературное эхо» (Израиль), «ЛитЭра» и «Свой вариант» (Украина) и мн. др. литературных изданиях. Работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска. Передает свой профессиональный опыт юным авторам, пытающимся выразить свой внутренний мир самородным художественным словом.

* * *

Русь моя с ее раздольем,
Хрусткий наст январским днем.
И горит... горит по вздолям
Снег малиновым огнем...
Кружева на снежных ветках.
В блесках солнечный зенит.
В запорошенных беседках —
Смех серебряный звенит...
Сам мороз, крутой по-русски,—
Людам взбадривает кровь.
...И глядит на мир без грусти
Светлым праздником Любовь.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Я из этих мест
Родом-памятью.
Здесь зима окрест

В снежной замяти.
В куржаке тайга
Вся узорами.
Глубоки снега
Над просторами.
...Я у деда рос
И у бабушки.
Пил брусничный морс,
Ел оладушки...
Дед учил меня:
«Чтоб мужчиной быть,
Оседлай коня
И испробуй прыть!..
Научись стрелять —
Белке метить в глаз.
Пробуй жизнь понясть
Даже в смертный час!»
...Восемь верст с лишком
Были мне не крюк:
Я ходил пешком
В школьный храм наук.
Три зимы подряд
Да три осени —
То по наледи,
То по проседи...
Налетит пурга
Ошалелая,
Вверх взметнет снега —
Горы целые.
Преподаст урок
Географии —
Мне и это впрок
К биографии.
...Но осилить смог
Бремя тяжкое —
Кончил школу в срок
Без натяжки я...
Жаль, не дожил дед:
Умер в Троицу.
Вот уж сколько лет
Спит-покоится.
Но под скрип колес
Архимедовых
Я в Иркутск увез
Память дедову...
Там науки грыз,
Деревенщина!
Жизнь — она каприз —
Переменчива...
Защитил диплом, —
Ну, и ладушки!

...Возвращаюсь в дом,
В сказку к бабушке.

БАБУШКИ РОССИИ

Теплоту и материнства силу
Солнышко струит из ваших глаз,
Славные голубушки России,
В сказках детства нянчившие нас!..
Сколь бессонниц вам на долю выпало,
Слез горючих вызрело в ночах?..
Избелью вам волосы осыпало
Каждое страдание внучат.
Потому и чтим мы вас, единственных,—
Героини книг и кинолент,—
Что в стране той светлой и таинственной,—
В детстве нашем, — ваш оставлен след.
... Федоровны... Дмитриевны... Платоновны,
Сеющие зерна доброты,
Вы для нас — Арины Родионовны —
Кладези духовной красоты.

ВЕСЕННИЕ КОЛОКОЛА

Я у весны веселым звонарем
Устроился на время половодья,
Чтоб хмурый день, разбуженный зарей,
Наполнить вешней музыкой сегодня.
...Я нынче встал еще до петухов
От взмаха крыльев деревянных ставен,
Апрельский ветер в колокол стихов
Ударил первой перелетной стаей.
И хмарь ушла... И свет земной окреп.
Лишь дальний лог окутан был туманом.
...А я подумал: «В пору сеять хлеб.
В такое время нелегко крестьянам...»

БЛАГОВЕСТ

Хорошо на травушке
Заглядеться в синь.
Облака-журавушки
Нам несут теплынь.
Солнечные зайчики
Скачут по воде.
Вербь-одуванчики
Расцвели везде.
Золотится солнышко

В платьях щеголих
Звонкий жаворóнушка
Песней славит их.
Вновь душа по-вешнему
Трепетно чистá,
До чего же здешние
Хороши места!
Красотой особенной
Дышит все окрест.
Над весенней Родиной
Льется благовест.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Еще звезды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым пряслom
И над играми жеребят...
Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночица-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрет...
Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.
В час такой на озерах слышно —
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрему слышит —
Подступает зари огонь.
Встрепенется, взлетит на крышу
И — растянет свою гармонию.

Галина Чернова

(п. Ермолаевский Затон Красноярского края)

Чернова Галина Петровна родилась в 1947 году в селе Никольск Уярского района Красноярского края. Печатается в московской «Библиотечной газете», районных и краевых газетах, в коллективных сборниках, альманахах, ежегодниках. Авторские сборники: «Душа» (1999), «Зерна живые земли» (2003) — стихи и сказки. Книга документально-художественной прозы с оптимистическим названием «Ермолаевские жизнелюбцы» — солидное, хорошо проиллюстрированное издание (2006). Детская книга «Сказки-невидимки и стихи-картинки» — полноцветное красочное издание, оформленное профессиональной художницей (2009). Готова к печати книга «Чародейка зима». На стихи написаны песни и романы. Состоит в литературном обществе «Русло», член Красноярской региональной общественной организации «Клуба капитанов», член творческого клуба «Енисейский литератор». Является внештатным корреспондентом газет «Речник Енисея» и «Пригород». За творчество награждена многими дипломами, благодарственными письмами и грамотами. Живет в поселке речников Ермолаевский Затон, Березовского района.

ХРУПКАЯ ГАРМОНИЯ

Наше село М. по Московскому тракту ничем другим не отличается от других сел русской провинции. И что бы ни говорили о запойности и лениности русского народа, все у нас дружно трудятся, любят, создают семьи.

От нас через дорогу живет, теперь уже жила, семья Надеждиных. Строили свой дом, дети учились в институтах. Труженики великие — наши соседи. Хозяин, Алексей, до ночи темной возил гравий, в одиночку заливал фундамент, — держись друга старого, а дома — нового. Дом выстроился-выстрадался за несколько лет. Со своей котельной, банькой, со своим гаражом.

Алексей с супругой Валентиной с особой любовью относились к своему саду. Из грибных прогулок по родному лесу всегда приносили кустарники рябины, калины, березы, черемухи. И все приживалось, тянулось к солнцу. Каков сад — таковы и яблоки. Родились-плодились и фруктовые деревья. Особой гордостью, красотой, поэтичностью жил-поживал цветник. Начиналось цветение от первого подснежника, затем — жарки-огоньки, колокольчики, ландыши. И так — до самой осени. Все — из сибирского лесочка-перелесочка, все — дары земли-матушки.

Хозяйство водить — не разиня рот ходить. Держали свиней, корову, курочек. С годами стало хлопотно управляться с животной, и во дворе остались собачка Мухтар и кот Васька. Мухтар — молодой щенок. Был еще пес Филька, — большой и старый, ушел в лес умирать. Так его и не нашли.

Мухтарушку очень любили, вкусно кормили, гуляли с ним два раза по лесу, и он

быстро подрастал, набирал силу. А кот Васька, здоровый и мордастый, каждое утро обход совершал по близлежащим огородам. Наводил порядок в кошачьем соседстве. Часто приходил помятый и побитый. Своенравный был.

Говорят в народе: «Эх, жизнь — как тельняшка: полоса белая, полоса черная». Накрыла черным крылом Алексея неизлечимая болезнь. Страдали, боролись, лечили. Жизнелюбы по жизни, старались не сломаться. В городе со светлым названием Белозерск жил сын семьей. Приехал, стал звать к себе. Долго не соглашались: за морем светло, а у нас светлее. Всякому мила своя сторона. Хотелось верить в чудо. А вдруг, действительно, болезнь отступит на новом месте. Сын в медицине силен, поможет.

Русскому человеку собраться — только подпоясаться. Со скорой решимостью, как будто боясь, что их что-то остановит, решились на переезд. На одном месте и камень мхом обрастает,— разрослось и хозяйство. Дом продали. Кое-что из мебели и домашней утвари было раскуплено. А в основном раздаривалось-разбазаривалось. Долгое время не закрывалась калитка, хлопала-скрипела,— все потихонечку выносилось, оказавшись теперь лишним. С собой в городские условия много не возьмешь, хоть и говорят у нас, что в хозяйстве пригодится и веревочка. Проводили соседи отъезжающих со слезами на глазах и с горечью в сердце.

Кота Ваську увезли в близлежащую деревню, за пять километров, пристроили к добрым людям. Но через три дня он вернулся в свой дом, в любимый двор. Новые жильцы предупреждали, что собаку они забирают к себе, а кота — нет. У них уже есть кошка. Ваську кормили соседи, перебивался чужими кусками. Исхудал. Может, и всхлипывал, вздрагивал в своих кошачьих снах.

Мухтара кормили, отпускали гулять. Но не было в нем прежней радости, задора. Он скучал, скулил, плакал. Собачье сердце понимало, что его прежних хозяев нет. По околотку разносилось сиротливое завывание, особенно по ночам. Удивлялись, сколько же можно так страдать?! Мороз по коже.

Новые соседи как-то не нашли общий язык с собакой, вроде и люди сердобольные. Много в ней им не нравилось. И решили приютить пса, по договоренности, у другого хозяина. Увезли,— не близко — не далеко. Недели через две Мухтар вернулся. Худой, шерсть клочьями, хвост поджат. Сирота.

По второму разу увезли его куда подальше.

У новых наших соседей неожиданно заболела их красавица кошка. Возили ее по ветеринарам, лечили, вкладывали всю любовь, но кошка в итоге умерла. Диагноз поставили доктора: стресс, инсульт. Естественно, часть вины ложилась на Ваську. И его увезли, — по слухам, определили на службу в кафе. Никто этого не проверит.

Всегда веселый и светлый дом теперь стал печальным, сутуловатым. Или это так казалось только нам.

Алексей на новом месте не поправился, а догорал, как свеча. Не помогли помощь и хлопоты сына. Больному и золотая кровать не поможет. Скучали по родному селу, по соседям, друзьям и знакомым. Долгие вечера проводили в воспоминаниях. А жизнь человека угасала...

Валентина в мыслях возвращалась назад, в свое село.

НАША АЛЕКСАНДРОВНА

Человек живет, пока движется. В мир несет в своем сердце светлые и теплые чувства к близким, к родной природе, к говорливому ручейку, к земле-кормилице.

К таким людям относится Валентина Александровна Чичайкина. С оптимизмом и задоринкой берется за каждое дело и все успевает. Хлопочет в своем огороде, затейливо облагораживает свой дом, создает уют, любит изобилием своих цве-

тов, особенно разноцветьем фиалок. Умеет шить и вязать, сотворить маникюр, постряпать и приготовить необычное вкусное блюдо. Век живи — век трудись, а трудясь — век учись.

Наша героиня родилась в октябре 1952 года в Омской области. В двухлетнем возрасте Валюшка переболела полиомиелитом, коварным инфекционным заболеванием. Эта болезнь, протекающая с параличами, оставляет стойкие нарушения движений. Больная нога девочки отставала в росте от здоровых конечностей.

Валентина с благодарностью вспоминает свою родную деревню и друзей, особенно подругу Любу. Дети, дети, живите в совете! Поход в лес за грибами и ягодами, катание на велосипеде, игра в лапту. Девчата брали за руки Валюшу и буквально тащили за собой играть в дворовые забавы. В лапту играли — вечерами до темноты развлекались — и взрослые, и дети. Никто никогда ее не дразнил. Матушка-деревня выращивала настоящих людей, соперничающих соседской беде. Валентина уверена — при жизни в городских условиях так и не справилась бы со своей болезнью.

В школе училась хорошо, девочка бойкая и активная. Мечтала поступить в юридическое учебное заведение, но в то время требовался двухгодичный рабочий стаж. А где в деревне работа? Да и не потянули бы материально дедушка с бабушкой, воспитавшие Валентину.

Показательным и добрым примером для всех была в то время фельдшер Юлия Семеновна, которая с молодых лет лечила деревенских жителей. И Валентина поступает в Омское медицинское училище № 3 республиканского значения. Здесь знакомится с новой подругой — Надеждой Никитичной Богуш, с которой дружат до сих пор, без малого 40 лет. Две подруги — огонь и пламя. Надежда — «мать», Валентина — «отец», — так их называли в группе. Разрешат назревшие проблемы, организуют культурный досуг, помогут сохранить дружбу, мудро рассудят жизненные ситуации. Птицы сильны крыльями, а люди — дружбой.

Училище республиканского значения распределяло специалистов по всему Советскому Союзу. Наш край славился молодежными стройками: Красноярская ГЭС, алюминиевый завод, Сосновоборский завод автоприцепов, другие важные объекты, — и был особенно популярен.

Валентину распределяют в деревню Кубеково, Надежду — в Куваршино. Почти рядом. Через год Надежда выходит замуж и приезжает в Ермолаево. А в ноябре 1979 года прибывает в поселок со своей семьей, дочерью Наташей и мужем Виктором, Валентина Александровна. Профессия фельдшера востребована: полставки в медпункте, полставки в детском саду. Хлопот и забот на целый день хватает, а зарплата в то время — 50 рублей в одном месте, 50 — в другом. Распространены болезни: гепатит, менингит, грипп. По совместительству восемь лет отработала она в детском саду.

Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Валентине предлагают пост медсестры в Березовской туберкулезной больнице. Фельдшерское образование позволяет оказывать квалифицированную помощь пациентам. Да и зарплата повыше.

Эти стихи — о ней:

*Понятие негаснущей надежды, понятие участия и добра
С тобой и ныне связаны, как прежде, заботливая наша медсестра.
Ты помогала, ты в беде спасала, ты шла вперед, на теплоту щедра.
И все сначала снова начинала, спеша на зов: «Скорее, медсестра!»*

Через год будет тридцать лет, как Валентина Александровна изо дня в день спешит в туберкулезную больницу. Каждый человек на земном шаре слышал об ужасной болезни. Говорят, туберкулез так же стар, как и человечество. В русских летописях XVI века его называют: «злая сухота», «скорбь чахоточная». Человека слабого и

худого называют уничижительно «чахоточным». Все боятся этого заболевания,— не дай, Боже, такого наказания. Кашель да чахотка — не своя охотка.

Представить сложно, что в течение десятилетий женщина спешит на свою нелегкую, но такую нужную, работу. Находятся здесь люди месяцами, годами. Среди них пьющие и курящие, с неудовлетворительными условиями жизни и труда, с изломанными судьбами. К Валентине Александровне больные относятся с большим уважением. Она требовательна, настойчива, строга, но к человеку относится с теплотой и искренностью, отзывчивостью и сопереживанием. Называют ее почтительно: «Наша Александровна»!

Повзрослели дочери и внучка Даша. Старшая Наталья вот уж семнадцать лет трудится медсестрой 20-й больницы, в отделении сосудистой хирургии. Анна — методист в Ермолаевском оздоровительно-образовательном лагере. Девчата творческие, активные, всегда на сцене Дома культуры «Водник» — поют, танцуют, читают стихи. Мама во всех начинаниях была им поддержкой. Когда учились — она непременно в родительском комитете, в центре событий школы,— сильная помощь в учебном процессе и воспитании. В Доме культуры — участница семейных соревнований, встреч, концертов; в больнице, в своем коллективе,— конкурсов медсестер. В последние годы — помощница и наставница молодежи. Много раз, в том числе выступая со своими детьми, занимала призовые места. В кругу друзей Валентина всегда придет на выручку в беде. В радости — энергичная и зажигательная, посодествует в организации любого праздника.

Валентина Александровна в жизни своей перемолола много бед и потерь, горестей и болезней. Последнее горе случилось два года назад — трагическая смерть единственного родного брата, которого в основном она растила и воспитывала.

О плохом не любит говорить и вспоминать. Жизнь не камень: на одном месте не лежит, а вперед бежит. С тяжелым физическим недугом живет достойно и делает свою жизнь интересной. Не жалуется на судьбу. Как стойкий оловянный человечек, встает и идет. С улыбкой, с огромной любовью к жизни!

Нина Шалыгина
(г. Красноярск)

Родилась в вагоне поезда «Киев — Житомир». Десятилетку «ломала» в одиннадцати школах. Мечтала стать актрисой (училась в театральной студии), но выскочила замуж в Москве. По обстоятельствам оказалась в Сибири с девятимесячным сыном на руках. С отличием закончила заочно Канский библиотечный техникум, а затем, и тоже с красным дипломом, завершила учебу в Московском историко-архивном институте — и поступила в аспирантуру. С отрывом от производства получила красный диплом в Московском институте патентной экспертизы. Жила в Карело-Финской Республике, Бурятии, Татарии, Мордовии, Украине, России. Писать стала со школьных лет.

С 2006 года живет в Красноярске, создала и руководит творческим объединением «Керосиновая лампа». Член Союза российских писателей с 2000 года.

Лауреат Всесоюзного телевизионного конкурса. До октября 2006 года жила в г. Зеленогорске. Более 37 лет (с января 1969 по октябрь 2006 г.) руководила городским музыкально-литературным объединением «Родники» на общественных началах. Имеет несколько правительственных наград. Отмечена «Почетным знаком за заслуги перед городом».

ЛЕСНАЯ КОРОВЕНКА

Сперва у нас была корова некрасивая, на высоких ногах, бестолковая, молока давала мало. Сдали мы ее на бойню, хотели сразу же другую купить. Да не так-то просто было найти подходящую в то послевоенное время.

Потом деньги разошлись: ребятишкам то, другое купила. Дальше — больше. Про корову и думать перестали. Только как в стайку зайду, так и мерещится, что вздыхает в темном углу коровенка. А это я сама вздыхаю.

Однажды пришла ко мне Мария Ивановна. Я ее почти что и не знала, только в магазине иногда встречала. Магазин на той стороне был, а мы — тут.

Пришла она и говорит:

— Купи корову! Просят три тыщи да в придачу дают воз сена!

— Что ты, Мария Ивановна! Да откуда взять три тыщи? Пятьдесят рублей всего денег!

— Покупай,— говорит,— Лидия Алексеевна, и все тут! Пропадешь с ребятишками без коровы.

— Да что ты, Мария Ивановна! Как можно?! Без денег корову купить?

— Я тебе денег дам. Вот пойдем в банк, сяду с книжки и до двадцать пятого декабря дам.

Двадцать пятого декабря какие-то проценты начисляли.

Я это не поняла, но подумала: «Где я такие деньги к двадцать пятому декабря возьму?»

Дело-то было в начале октября.

— Нет, — говорю, — Мария Ивановна! И денег твоих я не возьму, и корову не куплю. Нечем мне будет тебе отдавать. Как я потом тебе в глаза погляжу?

Она мне свое:

— Говорят тебе, бери! Потом как-нибудь вывернешься.

Пошла я в магазин купить того-сего, а Мария Ивановна за мной — все уговаривает. В магазине много женщин знакомых стояло в очереди за хлебом — тогда по всей ночи за хлебом стояли, люди так сроднились и, почитай, все друг про друга знали, как близкие. Мне женщины и говорят: бери, мол, Лида, корову. Одна мне столько-то денег обещает дать, другая — столько-то.

Моя мама пришла, прознала про корову, говорит:

— Бери! Где ее за три тыщи купишь? А без коровы семейный человек — пропащий. Вот пенсию получу и тебе принесу.

Ай, что там ее пенсия? Сто шестьдесят рублей — это, по-теперешнему, шестнадцать. Я заплакала:

— Да где уж тебе, мама, из своей пенсии на корову помогать? Ведь это три тыщи!

Уговаривали меня все. Уговорили. Пошли мы с Марией Ивановной в банк. И как деньги у меня в кармане оказались, так я и спросила:

— Где корову-то продают?

— Да тут рядом. В вашем же дворе. Цыган продает. Знаешь, который с цыганкой да с цыганятами живет? Через крыльцо от вас.

Я так и похолодела. Какая у цыгана корова? Нету никакой! Если б была, ее бы слышно-видно было.

А Мария Ивановна на своем стоит:

— Пойдем, поговорим. Все узнаем.

Пошли к цыгану. Мария Ивановна говорит:

— Вот, покупательницу привела на корову. Давай рассказывай да показывай.

— А, нэнько! Показывать пока нечего. Я свою корову давно не видел.

Вот так фокус! Нету никакой коровы.

А цыган свою линию гнет:

— Она у меня все время в лесу живет. Как родилась, так и живет. Я вот схожу, поищу ее, волки не должны разодрать. И приведу. Она там пасется.

Про себя думаю: «Поверила басне. Ну какая может быть корова у цыгана?»

Деньги в кармане сжимаю, беру Марию Ивановну за рукав:

— Пошли!

Через несколько дней пришел цыган. Говорит, мол, корову привязал у двора:

— Иди, хозяйка, гляди!

Вышла, гляжу. А она — ну ровно теленочек, как немного подрастет, что к весне за кроватью стоит. Я и говорю:

— Что же ты мне сказал, что у тебя — корова? И что огулялась, а в феврале отелится? Это же не корова, а козлуха!

И Мария Ивановна поглядела — да к цыгану:

— За что тут три тыщи? Ты ее не растил, не кормил, она тебе за так досталась, а теперь за нее такущие деньги?

А что не растил, она верно сказала. Корова в стаде если отелится, то старается своего теленочка так спрятать в лесу, что потом разве охотник случайно найдет. Упрячет она его и бегаёт к нему из стада, чтобы сосал да рос. Теленок, получается, у цыгана и не ворованный, а все-таки не его. Вовсе ничей!

А так коровенка хоть и мала, но красивая была — страсть! Красной масти, а на лбу звезда белая. Я к соскам подошла, а они, родимые, с наперсток! Не боле!

«Ну,— думаю,— какой февраль? И не может такая малявка стельной быть. А где у цыгана сено? Откуда?»

Думаю, а вслух не говорю, чтобы не догадался, что больно уж мне корова нужна. Цыган же будто мои мысли читает:

— Думаешь, откуда у цыгана сено? Так это — не твоя печаль. Сказал, будет — значит, будет!

Ни с чем разошлись. Он опять свою коровенку в лес увел. Мария Ивановна денег у меня пока что не берет: может, мол, цыган согласится или я осмелюсь. Так и октябрь прошел, а я все с деньгами хожу. Цыган глаз не кажет, а встретимся — не поминает мне про наш разговор.

Мама моя сколько раз заговаривала про корову, а я ей:

— Кака это корова? Козлуха! И вымени нет совсем, одно название.

Как вечером сядем пустых шей похлебать да суху корку погрызть, снова думаю про эту диковинную коровенку. Ростом низкая, ноги кривые, а ушки маленьки таки! Как-то в чужие деньги залезла — нужда заставила. Думаю, изведу чужие — ни коровенки, ничего. Подойдет срок отдавать, а чем? Решилась. Будь что будет! Куплю у цыгана его найденышку. На взрослую корову деньжат никогда не скопить, а эта когда-нибудь вырастет.

Снова поугovarивала цыгана скинуть цену. Мария Ивановна просила хоть не все деньги зараз брать, а частями. Тот уперся:

— Только сразу. Не то — никакого кина! И сено привезу, только скажи, куда сметать.

— Давай в нашу стайку.

— Значит, по рукам?

— Что поделаешь? По рукам.

Вышла я утром к Мане. Вынесла блюдечко теплой водички. В большой-то посуде кому выносить? А она и не притронулась. Я — в слезы. Ну, думаю, купила! Не ест, не пьет, а ну как помрет?!

А она — лесная, привычная к самой чистой воде, к самой сочной траве. Помучилась я с ней. И только спустя время стала моя Маня цедить чистую водичку сквозь зубы. После уж и подсыпать ей стала — где отрубей, где и мучицы. А как теленочка родила (не врал цыган) в феврале, так стала есть и кашу, которую недоеденную приносила из солдатского госпиталя.

К весне, как выгонять в стадо, Маня моя окрепла, подросла. Перед стадом взяла я у дяди Якова щетку, какой он коня чистил. Он сам в первый раз красавицу мою почистил, потом я еще брала щетку и каждый раз Маню чистила. Другие коровы после зимы вышли: клок на клоке, об заборы чешутся — страсть глядеть! А моя — ровно королева! Блестит. Только ушками своими маленькими прядает. Проводила ее в стадо, стою и люблюсь. Только любоваться некогда, надо на работу бежать, а работ я набрала на три зарплаты. Людям-то надо отдавать, что к двадцать пятому декабрю насабираю.

Отдала все же раньше. Помогла расплатиться за себя Маня. Не скажу, что молока много давала — восемь литров только. Но какое это было молоко! Со всего леса собрано — желтое, сладкое. Пастух раз сказал:

— Я все думаю — чья такая корова? Самая первая в стаде ходит. Первая травинка — ее, первая до чистой воды доберется. Никогда не станет пить грязную либо мутную. А уж вылощена! Красавица!

А она и была красавица! Молока и ребятишкам доставалось, и продавали немного, и налог молоком платили. Платили тогда налог государству со скотины — столь-

ко-то литров. Я как первый раз принесла, так мне в книжку молочную жирность записали три и две десятых. Потом проверили и стали записывать пять и две десятых. Такая жирность невиданная была! Так что скоро мы с Маней молоко все сдали. Тут нам сказали:

— Больше не носите. Вы свой план выполнили.

Так что потом можно было поболее носить на базар, за долги расплачиваться.

Сколько годов она нас кормила-поила, из нужды вывозила, сказать не берусь. А только расстались мы с ней при таком горе, что высказать невозможно.

Вышел такой указ: животину никакую в городах не держать, потому что дух от нее идет нехороший, что ли, или еще что. И чтобы собственники не плодились. А только не держать — и все тут!

И добро бы этот указ на большие города накинудся. А у нас, в маленьких, травы кругом — ешь не переешь. Или бы в государстве всего вдосталь было — мяса, молока, яиц: ешь-пей не хочу! Ни с того ни с сего — враз под корень!

Поплакали мы, погоревали. Ждали — отменят этот указ. Не может быть, чтобы у рабочего человека его кормление отобрали, да еще в таком городе, как наш Верхний Устюг, где и городом-то совсем не пахло!

Ан нет! Никто того указа не отменял. Местные власти перво-наперво стадо запретили. А какую скотину где поймают, запирали в тесовый сарай, специально для этого из нового тесу построенный. Там она денно и ночью редела, пока хозяин штраф не заплатит да не сведет на бойню. А курям и утям милиционеры прямо на улице головы откручивали — не положено!

Маню свою мы прятали сколько могли. Всей семьей жали для нее траву. Все ждали. А местные власти стали грозиться, что выселят нас из комнаты и с работы прогонят.

Делать нечего. Покормила я в последний раз свою кормилицу, завязала на шее веревку и повела... На бойню. Куда же еще? Кто купит, если держать нельзя?

Пришла. А там — коровы мычат, бабы режут. Гвалт! Ну, чисто как на фронт провожанье. И я заревела в голос. Маня моя кровь чувствует, храпит, глазами водит. А за городкой скот не кормленный, непоенный, нерезанный ревет.

Резать-то не успевали, говорят, и перерабатывать не успевали.

Гнили наши коровушки, свинушки. Даже кожу снять руки не доходили. А сдавать надо, раз указ такой! И из деревень приводили: им план по сдаче мяса надобно выполнять!

Только повезло моей Мане. Привели из деревни, до которой указ еще не дотянул, сдавать захудалую коровенку. Увидели мою красавицу. Ту сдали, а мою взяли. Я ее за полцены отдала. Бабы своих коров предлагали. Да где уж им супротив меня?

Вернулась домой. Реву. Ребятишки за мной на все голоса. Муж орет:

— Дура! Что теперь реветь? Привыкать как-то надо!

Утром проснулась до зари. Хватаю подойник — и в стайку. Ой, Божечко ж мой! Как дальше жить?

С тех пор больше мы корову не держали. Молоко покупали в магазине: как водится, почти все из порошка. Но до сих пор стоит у меня перед глазами лесная красавица и прядает своими маленькими ушками, совсем не понимая, зачем все это было сделано: зачем нас, баб работающих, превратили кто его знает во что и за что извели коровок в маленьких городах. Разве за то, что оставляли на немощных улицах свои «зеленые конверты». И может, старая цыганка рассказывает внукам о лесной коровенке, которая кормила их таким молочком.

